

В ПОРЯДКЕ ДИСКУССИИ

ББК 87.000.4

С. А. Кудрина

В ЗАЩИТУ ФИЛОСОФИИ: МЕЖДУ ДЕРЗНОВЕНИЕМ И ЗАБВЕНИЕМ

Важно не отказаться от философии в вузе, которая работает как своеобразная система безопасности, профетически сдерживая тенденции к отказу от нравственных ориентиров в науке. Философия заставляет ученого задуматься над социально-культурным контекстом, в котором он творит и познает, помогая ему избежать узкого профессионализма и цинизма.

Ключевые слова: философия в вузе, ценности, этика, аксиология, релятивизм.

It is important to preserve university philosophy as a security system that preserves moral guidelines in science. Philosophy helps scientists to understand the socio-cultural context of their creativity and research. Philosophy helps to get rid of narrow professionalism and cynicism.

Key words: philosophy in high school, values, ethics, axiology, relativism.

В общей сложности среди всех сторон процесса обучения в вузе можно выделить три основных аспекта.

Во-первых, это аспект волевой, то есть касающийся той самой движущей силы, которая способствует поступлению в учебное заведение (в нашем случае в высшее, в университет). Безотносительно к тому, какая преследуется цель, каковы предполагаемые последствия действия — важно, что в наличии направленный волевой вектор либо самого будущего студента, либо кого-то еще. Если абсолютизирована эта первая составляющая, то есть, если воля безотчетна, то на выходе может получиться не профессионал, а всего лишь научившийся паразитировать на образовании обладатель диплома как входного билета в высокооплачиваемые сферы с навыками поиска и обработки информации ради получения поощрений. В данном случае социальное паразитирование будет продолжаться, но уже вне высшего учебного заведения.

Во-вторых, это аспект профессиональный, когда студент сознательно выбирает ту или иную специальность не в результате исследования лестницы доходов, а в результате осознания своих склонностей, способностей. Процесс обучения такого рода студентов имеет совсем иную суть, поскольку здесь вместо безотчетной воли — воля к знаниям, к их применению, глубокий интерес к изучаемой науке, вне зависимости от дохода, который она приносит в данном обществе на данный момент времени.

И, наконец, составляющая духовно-нравственная, которая становится все менее и менее заметной в обществе институционализированного и рационализированного эгоизма. Отсутствие этой составляющей — а это либо абсолютизация престижности профессии, либо одержимость научным поиском (во что бы то ни стало) — содержит в себе опасность всеобщего социального

паразитирования или допущения неконтролируемого суицидального движения науки (или того и другого вместе).

Образование — это процесс, который имеет конечную цель. И здесь весьма важна аксиологическая составляющая. В связи с этим весьма важно не отказаться от философии в вузе, которая работает как своеобразная система безопасности, профетически сдерживая тенденции к убивающей науке или вовсе к обществу безнравственных невежд. В наше время философия уже не выполняет той идеологической функции, которую она выполняла в советское время и которую ей продолжают приписывать. Она лишь заставляет ученого задуматься над социально-культурным контекстом, в котором он творит и познает, помогая ему избежать узкого профессионализма и цинизма. «Полуобразованные люди, — читаем у И. Ильина, — слишком часто верят в “науку” так, как если бы ей все было доступно и ясно; чем проще, чем элементарнее, чем плоше какое-нибудь утверждение, тем оно кажется им “убедительнее” и “окончательнее”; и только настоящие ученые знают границы своего знания и понимают, что истина есть их трудное задание и далекая цель, а совсем не легкая, ежедневная добыча... Настоящий ученый знает, доколе простирается его знание, и поэтому он духовно скромн... он не верит в отвлеченные схемы и мертвые формулы и хранит в себе ощущение глубокого, таинственного и священного... Так, истинная ученость не уводит от Бога, а ведет к Нему. Совсем иное дело полуобразованность. Такой человек не умеет исследовать и познавать, он умеет только “понимать” то, что просто и плоско, и — помнить. Он живет заученными формулами, от которых в голове все становится просто и плоско...» [4, с. 92—93].

Поскольку в Новое время философия стала отказываться от онтологии, от поиска вечно сущего и неизменного, стал распространяться, как писал Мартин Хайдеггер, онтологический нигилизм. Это повлекло за собой распространение убежденности в относительности ценностей. Отказ от духовной жизни привел к тому, что разум и чувства, лишённые благодатного скрепляющего начала, пришли в конфликт друг с другом. В результате родилось противостояние между эмпиризмом и рационализмом. С крушением онтологической вертикали стала разрушаться и ценностная иерархия. Философские понятия, которые обозначали высшее, божественное, истинное, прекрасное и доброе стали казаться пустыми абстракциями, поскольку действительно стали употребляться в отрыве от своего живого содержания. Они остались в языке, но их роль свелась к украшению речи. «Современный человек, — замечает И. А. Ильин, — не испытывает главных, священных предметов, не любит их, не внимает их зовам, духовно не питается ими и не строит ими своего мирозерцания, своего характера, своего жизненного делания» [3, с. 315]. В материализме уже окончательно переворачивается с ног на голову иерархия ценностей: все материальное, временное, чувственное одерживает верх над духовным и вечным, поскольку «всякое отрицание Бога и религии немедленно воздвигает идола или фетиша, а «всякое отрицание истинного абсолюта в философии сейчас же абсолютизирует какую-либо подчиненную ступень бытия или подчиненную ценность» [1, с. 98]. Для материалистов такой подчиненной ценностью оказывается материя. Она заменяет прежнее божество, и такая замена не требует особого духовного напряжения и глубины мысли: «если Бог невидим и непостижим, то идол виден, понятен, осязаем, — и в этом огромное преимущество для примитивного сознания» [1, с. 98]. В. С. Соловьев признавался в своей автобиографии: «Когда я додумался, что Бога вовсе нет, а есть только материя,

я с таким жаром проповедовал эту новую веру одному приятелю, что он вместо всяких возражений заметил: “Я удивляюсь только одному: почему ты не молишься этой своей материи?”» [7, с. 58].

Между тем, забытые ценности и философские вопросы, объявленные «беспредметными», прорвались в XIX—XX вв. в форме иррационалистического протеста. Но речь шла уже не о восстановлении разрушенного единства духовной жизни, рациональности и чувственности: это был отчаянный бунт души против самодостаточного разума, против культа науки. Иррационалисты впали в другую крайность: «виновным» был объявлен интеллект: «Именно интеллект, и ничто другое, помимо интеллекта, есть то, что следует опровергнуть» [5, с. 350]. Три стадии духовного развития личности, описываемые Кьеркегором — эстетическая, этическая и религиозная — практически воспроизводят три стадии развития разума, которые рассматривал О. Конт: религиозная, метафизическая и позитивная, только в обратном порядке. Конт оценивал путь «религиозность — метафизичность — позитивизм» как восхождение. Для Кьеркегора же восхождение есть движение в сторону диаметрально противоположную: «эстетическое — этическое — религиозное». «Три стадии» Конта и Кьеркегора, таким образом, обозначили раздробление человеческого опыта на фрагменты и раскол всей европейской культуры на две диаметрально противоположные ценностные вертикали. Общая тенденция угасания идеи вечности сопровождалась раздроблением человеческого опыта на фрагменты, отделением нравственного опыта от познавательного, потерей духовной целостности человека. Ценности истины, добра и красоты стали мыслиться абстрактно, отдельно друг от друга. В XIX—XX вв. эта фрагментарность нашла свое отражение в глубоком противоречии. На личностном уровне — это противоречие «между умом и сердцем», которое многие почему-то считают неизбежным и смакуют его, не считая это духовной болезнью: «как рациональное существо думаю так, а как нравственно-духовный субъект живу совсем по-другому (или, по крайней мере, хотел бы жить, да не получается в силу ряда объективных внешних причин)». На уровне культурном — это противоречие между верой и знанием, наукой и религией, «калькулирующим мышлением» и «осмысляющим раздумьем»...

В современной философии все оправдывающий релятивизм, превративший философские размышления о ценностях в игры самодостаточного разума, опрокидывает лестницу духовного восхождения. Теперь ценности не перевернуты, они вообще «опрокинуты»: нет ни высшего, ни низшего, ни святого, ни грешного, ни добра, ни зла. Место философии занимает, по словам Ильина, «препарирование личной мифологии»: «Здесь... все субъективно и произвольно, ибо каждый говорит про себя и о своем: каждый твердит о своей “химере”. Ни один не понимает другого; но “все не согласны”: каждый не приемлет чужую химеру, ибо чужая — никому не нужна. Нужна своя: только она есть “истина” — она, родная выдумка, личный миф, “моя сказка”» [4, с. 24].

На место ценности внутренней духовной свободы приходит ценность свободы как вседозволенности. Но каково содержание этой свободы? Просветители, которые объявили ее абсолютной ценностью, проигнорировали тот факт, что «раскрепощение» человеческой личности влечет за собой не только освобождение высоких творческих сил и устремлений, но и так называемого «дионисийского» начала. Современный мир при постоянных разговорах о свободе и вольном развитии в действительности своим стилем жизни делает человека абсолютным рабом страстей и греховных желаний. «Человек,

увлекающийся удовольствиями, — писал в свое время Сенека, — относится с пренебрежением ко всему остальному и прежде всего не дорожит свободой, жертвуя ею в угоду чреву. Не он покупает себе удовольствия, а удовольствия закабаляют его» [6, с. 252].

Под именем свободы теперь скрывается вполне определенное мировоззрение, в рамках которого человек предстает не как свободно определяющееся разумное существо, а как разнузданное животное, «свободное» во всех своих проявлениях, в том числе самых низменных. Нет такой человеческой низости, которая не могла бы найти себе оправдания в новом сознании, и нет такого злодейства, которое не отыскало бы себе адвоката: все «подпольное» и темное должно быть реабилитировано, дабы средний человек мог навсегда избавиться от мук совести и томления духа. «Моя свобода ограничена лишь свободой другого человека» — принцип весьма опасный, если он является единственным сдерживающим фактором. Он обречен стать чуждой и даже ненавистной абстрактной формулой, поскольку, в отличие от внутренне усвоенных заповедей любви, предполагает хронический внутриличностный конфликт: «очень хочется, но почему-то нельзя». Чувства постоянно находятся в противоречии с рационально сформулированным правилом. И это трагедия для бездуховного сознания. Следование нравственному закону естественно, если производно от внимательной духовной жизни, сопряжено со стяжанием любви и не требует рациональных доводов. Но без любви это мучка. Рано или поздно несчастный невольник скажет: «А почему я должен следовать тому или иному закону?». Если человек изначально ориентирован только на ценности удовольствия, комфорта, на удовлетворение своих капризов, то все, что является для него препятствием (даже если приведен целый список рациональных доводов), не просто не будет являться для него ценностью, но рано или поздно будет агрессивно сметено, в том числе и другой человек с его свободой. Именно в результате такой установки рождаются двойные стандарты: все равны, но я равнее (перефразируя слова Дж. Оруэлла «All animals are equal, but some animals are more equal than others»). Если утрачена духовная культура, если исчезла внутренняя гарантия легитимности порядка, то нравственность теряет основание и человека уже не сдержит никакая сила, кроме полицейской. «Знаешь ли Ты, — говорит великий инквизитор Христу в романе Ф. М. Достоевского, — что пройдут века, и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!» — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против Тебя и которым разрушится храм Твой... нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому передать бы поскорее дар свободы... Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть... умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху... Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь, как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех... и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволили грешить... И не будет у них никаких от нас тайн» [2, с. 325—329].

Забвение философии, отказ от ценностей вечного и святого напрямую связан с обожествлением «плюрализма мнений». Как это ни парадоксально, но по вопросу о плюрализме двух мнений быть не может: ни в коем случае нельзя спорить с тем, что истина относительна. Плюрализм вовсе не нейтрален:

относительность ценностей здесь расценивается как заведомо верное утверждение, их вечность и непреложность — как заведомо ложное. Следовательно, под поверхностной маской плюрализма скрывается нечто иное, а именно технология приведения умов в состояние отсутствия ценностей и убеждений на фоне сохранения иллюзии свободомыслия.

Философия такого общества оказывается лишенной вдохновения, интуиции и содержания, превращаясь в набор абстрактных схем. Как говорил Н. А. Бердяев, философы уже не могут писать «что-то», а пишут только «о чем-то». «Философия, — писал И. Ильин, — сохраняет... видимость научного знания, но именно одну только видимость... Такие мыслители начинают ценить выше всего формальные различия и определения понятий, формальное единство философской “системы”, формальные проблемы и постановки вопросов. Утратив живое отношение к предмету, не сознавая, что при таком положении дела, философия неминуемо вырождается в комбинацию беспочвенных понятий, они остаются нередко без всякой предметной опоры и начинают ее заменять опорой чужой мысли... Пишутся книги о книгах; строятся особые толкования и понимания чужих идей; чужие воззрения исследуются, как некая самостоятельная ценность; культивируется изоцированная библиографическая осведомленность» [4, с. 22]. А вот как охарактеризовал это состояние духовной жизни М. Хайдеггер: «Люди уже не думают, они “занимаются философией”. В соревновании таких занятий философии публично щеголяют в виде броских “измов” и стараются перещеголять друг друга» [8, с. 319].

Без Любви, без Истины, Добра и Красоты философия мертва, она не затрагивает духовно-нравственных глубин в человеке. Она не может быть абсолютно нейтральной, никакой, тепло-холодной, равнодушной к Истине, Красоте, Добру — или, как часто говорят, «объективной и беспристрастной». Даже если она провозглашает себя свободной от ценностей, это означает только то, что сделанный философом духовный выбор не оформлен явно, его позиция относительно добра и зла просто умалчивается по причине отказа от духовной жизни, а следовательно — и ухода от проблем, связанных с духовной жизнью. Но ее можно прочесть «между строк», разгадать по «косвенным уликам».

Почему следование той или иной системе ценностей порождает совершенно различные практические последствия и почему релятивисты, провозглашающие себя нейтральными по отношению к истине, так часто оказываются нетерпимыми? Это означает только то, что релятивизм вовсе не нейтрален: положение об относительности истины здесь имеет «большие права», чем положение об абсолютности. Представления об относительности ценностей, отказ от признания их онтологической укорененности представляет собой в действительности приверженность такой иерархии ценностей, в которой, как правило, все чувственное, инстинктивное, животное, низшее, эгоистическое оказывается на вершине, становится объектом поклонения, а такие понятия, как истина, добро, красота, совесть, вера, любовь трактуются натуралистически или используются как поэтические метафоры. Под именами релятивизма и скептицизма обычно скрывается метафизическая «спячка», духовная расслабленность, граничащая с цинизмом, желание оправдать любое злодеяние, равнодушие и эгоизм тем, что «добро и зло относительны».

Если же ценности абсолютны, то возникает другой вопрос: как быть с многообразием философских учений, в основе которых лежат различные, иногда противоречащие друг другу ценности? В этом случае, даже не вдаваясь в их онтологические основания, можно предложить следующий вполне

практический критерий «оценки ценностей» с точки зрения их духовно-нравственного содержания: это согласие «оценивающего» на то, что убежденный сторонник рассматриваемого учения станет его соседом, родственником, другом, супругом, начальником и т. д. — то есть станет непосредственно взаимодействовать с ним (и это взаимодействие окажется неизбежным). «А хотелось ли мне оказаться рядом с тем или иным философом, чтобы он непосредственно на мне продемонстрировал свои духовно-нравственные принципы?» Важно, чтобы «оценивающий ценности» был именно объектом, а не субъектом нравственного действия, оправдываемого той или иной философской теорией. Именно объектом, поскольку восхищение философской теорией зачастую связано с ее эстетической привлекательностью, оригинальностью — тем более, если она дает веские основания для собственного самооправдания. Если человек, очарованный философской теорией, примеряет ее на себя и представляет себя лишь в качестве субъекта действий, оправдываемых ею, то действия, попирающие нормы нравственности, не будут с необходимостью различимы, поскольку страдания, ими приносимые, действующий не всегда сможет оценить адекватно. Именно для оправдания порока существует так называемый двойной стандарт: «Мне можно, но другому, тем более по отношению ко мне, — нельзя». В случае же, когда оценивающий сам страдает от действия, направленного на него и оправданного философской теорией, практические нравственные следствия рассматриваемой теории для него очевидны. Можно, подобно Диогену Синопскому, разгуливать по улице с фонарем и кричать: «Ищу человека!». Но можно и оказаться побитым палками тем же самым Диогеном. Весьма притягательно победно «посадить в лужу» собеседника, но стать объектом манипуляции со стороны софиста вряд ли кто сочтет приятным. Мнящий себя сверхчеловеком и его униженная жертва, несомненно, по-разному отнесутся к этике Ницше. Иначе говоря, «оценивающий ценности» должен принять именно роль «другого» — того самого «другого», о котором, формулируя то или иное правило нравственности, можно было бы сказать: «Поступай с другим так...». Если нравственные следствия философской теории не дотягивают до золотого правила нравственности (которое объяснимо лишь с точки зрения религиозной онтологии), то они всегда чреватые двойным стандартом. Двойной стандарт неизбежен, если принимается положение об относительности ценностей добра и зла, которое, в конечном счете, вытекает из отрицания ценностей вечного и святого. А ценностей этих может касаться именно философия, отказ от нее — путь к самоубийству мысли.

Библиографический список

1. *Вышеславцев Б. П.* Философская нищета марксизма. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1971.
2. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы : роман : в 4 ч. с эпилогом. М., 1981. Ч. 1—2.
3. *Ильин И. А.* Сочинения : в 10 т. М., 1993. Т. 1.
4. *Ильин И. А.* Сочинения : в 2 т. М., 1994. Т. 2.
5. Серен Кьеркегор сам о себе в изложении Петера П. Роде. Челябинск, 1998.
6. *Сенека Луций Анней.* О счастливой жизни // Римские стоики. М., 1998.
7. *Соловьев С. М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977.
8. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. С. 314—356.